

ТРЕПАЧ

Еженедѣльный журналъ
сатиры, юмора и вопче.

Девизъ „Трепача“:
— Бей его, — я его знаю!

Ничего себѣ, жить и при социалистическомъ строѣ можно. Поспекулировалъ, помаклерствовалъ, обзавелся кое чѣмъ, теперь можно и общему благу порадовать. Прошелъ въ Думу по большевистскому списку... Можно еще жить съ такимъ народомъ! Можно!

РАЕШНИКЪ.

С. Петербургъ.

4 Юня

1917 года

Министерство
Внутренняго
Трепачества.

Проздравляю, читатели, мои дорогие приятели, на первое—съ круше-
нiемъ монархiи и воцаренiемъ анархiи, а на второе—съ восстановленiемъ
старого строя...

Плакала все наша буржуазiя, что слишкомъ много стало всякаго безобра-
зiя, что всякая мразь теперь одно слово—ваши сяесь, кричить, пыхтить,
кудахтаеть, изъ простыхъ смертныхъ масло пахтаеть, что невѣдомая шатiя,
подпольная братiя возсѣла съ хамскимъ мурломъ на тронѣ, въ жестяной ко-
ронѣ,—и стало на Руси замѣсть императора на тронѣ три генераль-провока-
тора, полтора электро-диктатора и 100 съ четвертью социаль-агитатора...

Плакала буржуазiя да ныла, да и ныла, раздѣлилась Расаея на 2001 Республику, чтобы
потѣшить поштенную публику, и въ каждой Республикѣ свой царекъ мѣстный, конечно, никому неиз-
вѣстный, а у каждого царька своя фантазiя,—сирѣчь—одно сплошное безобразiе...

Каждому царьку лестно городовымъ побыть, не пуцать и тащить, читать въ сердцахъ напра-
вление,—вопче—творить ущемленiе.

Рѣшили царьки отъ Питера до Одессы ущемить свободу Руссейской прессы, на манеръ Сто-
лыпина или Атабаша (это они знаютъ лучше „отче—наша“),—и пошла писать губерния...

Накачивай, наворачивай.

Въ Кронштадтѣ запрещена пресса буржуазная, словно бацилла заразная: „Рѣчь“, „Новое
Время“, „День“, „Маленькая Газета“ и партiйная дребедень, въ славномъ городѣ Псковѣ „Воли
Народа“, въ Тамбовѣ—„Свобода“, въ Рыбинскѣ—„Правда Солдата“, а въ Тетюшахъ—„Голосъ
Демократа“.

А мама Одессы смотрѣла—смотрѣла на эдакое дѣло и зависть ее заѣла.

— Какъ это, моль, такъ,—вездѣ царить участковый кулакъ, а мы на заднемъ планѣ?
Невозможно этому быть, покажемъ и мы свою прыть.

А Одессы—мама, ежели говорить прямо,—городъ въ Россiи самый вороватый: живеть тамъ
спекулянтъ богатый, мелкiй ворнишка, жуликъ—маклершшка, арапы съ Молдаванки и два миллиона
домушной шанки...

Думали, думали и рѣшили:

— Не будемъ газетъ трогать, а ущемимъ журналы подъ ногу, будутъ все про насъ гово-
рить, какъ мы умѣемъ свободу давить, а намъ, глядишь, сдѣлають славу.. Ну, выходи Варвара,
на расправу.

— А за что конфисковать будемъ?—А вотъ давайте обсудимъ.

— За большевизмъ?—Неловко!.. Нешто, напримѣръ, большевистская „Виржевка“—За мень-
шевизмъ?..—Не стоитъ. Вся страна завоюетъ.—За норнографiю?—Не желаемъ, сами это обожаемъ.—
Давайте за кощунство!?

— Во! Это дѣло! Только дѣлать надо умѣло... А дѣла вышли бы славные!... А у насъ есть
въ Одессѣ православные?..—Есть! Спирька Пузырь, ты православный кажись?..—Такимъ и былъ
всю жись, я даже изъ духовнаго званiя, разъ съ своимъ тяткой въ Казани я церковь обокралъ...

— Такъ ты, Спирька, прижучивай журналъ. Какой изъ Петрограда конфисковать надо?..

— Вали, братиы, вскачь и на вокзалѣ конфискуй „Трепачъ“, а за нимъ „Сатириконъ“ за
кощунственное осмѣянiе иконъ, а за нимъ „Вичъ“... Валите...

Слушаютъ въ Одессѣ Спирьку Пузыря, конфискують почему зря: увидять въ журналѣ монаха,
что выпустилъ Евстаха—цапъ!.. Увидать дiно духовное,—тоже дѣянье грѣховное,—цапъ!..

Проздравляю, читатели, дорогие приятели, всю честную публику за новую Республику а на
второе—за возвращенiе старого строя!.. Поздравляю!!

Евст. Богоявленскiй.

Страсти Божіи

КОЗНИ ДАВОЛА.

— Ахъ, я такъ люблю духовенство, которое черное... брюнеты которые... только я очень боюсь... Ужасно!

— Чего еси, чадо мое? Кимъ страхомъ иудейскимъ убояся сердце твое? Прииди, да лобзанію предамъ ти, яко...

— Ахъ... Стыдно! Читатели смотрятъ, а главное, "Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ въ Одессѣ конфискуеть, а я въ новомъ платьѣ.

Нервозенъ и шумень
 Теодоръ игумень.
 То сядетъ онъ въ кресло,
 То глядитъ онъ чресла,
 То словно въ похмѣльѣ.
 Шатаясь по кельѣ
 Проходитъ въ нервовъ
 Взирая подъ ноги.
 То, розовый ликомъ,
 Въ смущеньи великомъ,
 Стыдливый, какъ дѣва,
 Онъ трогаетъ чрево.
 Виною ли весна тутъ—
 Дьявольской статутъ,
 Иль можетъ причина—
 Соблазновъ пучина
 Но вотъ двѣ недѣли
 Въ игуменскомъ тѣлѣ
 Повисилось будто
 Солидное "брутто".
 Какъ битися съ бѣдою?
 Иль хладной водою?..
 Иль постъ и молитвы?..
 Иль лезвіе бритвы?..
 И лють и безумень
 Теодоръ игумень.
 Въ суетномъ нервовъ
 Онъ смотритъ гдѣ ножи.
 Покорный желанью
 Онъ трогаетъ дланью
 Стыдливый, какъ дѣва,
 Блудливое чрево.
 Межъ тѣмъ чей-то голось.
 Какъ шелковый волосъ,
 Какъ шпанская муха,
 Доходитъ до слуха
 И вкрадливо—сумно
 Смущаетъ игумна.
 — Во зрѣлые годы
 Не хладные воды,
 Не постъ и молитвы,
 Не лезвіе бритвы.
 А скромная дщери
 Въ дѣсу иль пещерьѣ
 За скромную ленту
 По архи—рецепту
 Спустили бѣ съ аскета
 Грѣховное "нетто"

М. Стронинъ

СТАЛЬНЫЯ ПИСЬМА.

Пишетъ, пишетъ мой сыночекъ.

Пишетъ съ далека.

Пишетъ много то дыхъ строчекъ
 Милая рука.

Не томись, не бойся мама.—

Небо насъ хранить.

Не допустить Русь до срама

Войны—гранить.

Край родимый милъ и дорогъ

Русскому бойцу.

Вудеть сломленъ страшный ворогъ.

Близимся къ концу.

Пишетъ, пишетъ мой сыночекъ.

Съ Томска городка,

Пишетъ много гордыхъ строчекъ

Твердая рука.

М. Стронинъ.

ПАЛАШИНЪ ГЕРОЙ.

(Съ натуры).

У горничной Палаша была одна маленькая особенность: новый лозунгъ „женское равноправіе“ она понимала по-своему, и потому всѣ ея поклонники пользовались равными правами. По ея собственному признанію, до революціи „она имѣла такую глупость“, что любила одного, отдавая ему всѣ преимущества, но потомъ, когда на всѣхъ углахъ и перекресткахъ стали кричать:

— Женщинѣ дорогу... Равноправіе женщинъ...

она взялась за умъ и нашла, что слѣдовало новому теченію и легче и справедливѣе. Тотъ единственный Миша, которому она поклонялась и чуть не боготворила, распылился...

Сердце у Палаша раскрылось для всѣхъ.

ПАЛАША И НЕГОУ

Началось равноправие. Такъ у опытной и справедливой хозяйки всѣ жильцы пользуются одинаковыми правами, а Палаша была справедливой и потому ей хорошо жилось.

Только одно удручало ее. Каждое утро она должна была рано вставать и становиться въ очередь за ситнымъ или хлѣбомъ...

— Проклятая обязанность!

Лишь тодько лучи солнца начинали заигрывать съ ея кудряшками на лбу, какъ уже приходилось вставать. Палаша смѣло могла бы понѣвиться, потягиваясь и мечтая, а тутъ:

— Очереды!

Какая тоска. И зачѣмъ только человекъ созданъ такъ, что ему нуженъ ситный и хлѣбъ. Если бы она не была горничной, она никогда бы не хлопотала объ этомъ.

Но вотъ одинъ изъ ея поклонниковъ обрадовалъ ее однажды:

— Я замѣню васъ по части очереди...

Палаша подпрыгнула отъ радости и тутъ же вознаградила своего спасителя. Ея жаркій поцѣлуй долго горѣлъ на щекахъ его.

Съ этихъ поръ Палаша по утрамъ „вѣжилась“ и мечтала, а ситный и хлѣбъ, какъ по волшебству, исправно появлялся у нея на столѣ, къ полному удовольствію ея хозяевъ. Поклонникъ, какъ и водится, сугубо сталъ поклонникомъ и услуга за услугу, — имѣлъ право на то, что... но объ этомъ знаетъ Палаша.

Но вотъ однажды выпалъ проклятый день. Палаша по обыкновенію „вѣжилась“, часы бѣжали, уже въ хозяйскихъ комнатахъ послышались голоса, а обычный даръ поклонника на столѣ не появлялся.

— Даны карточки и деньги, но почему же?..

Палаша недоумѣвала. Въ ней даже забродило сомнѣніе въ добросовѣстности поклонника, тѣмъ болѣе что въ себѣ самой она находила нѣчто такое, за что тотъ могъ считать себя обиженнымъ.

— Но вѣдь долженъ же онъ понять: теперь равноправіе и всѣ поклонники на меня имѣютъ равныя права.

Успокоивъ себя на этомъ, она накинута платокъ и выбѣжала въ „очередь“.

Тутъ она увидѣла что-то непонятное. Ея поклонникъ толкался среди бабъ, что-то говорилъ имъ, а онѣ кричали:

— Не пустимъ, не пустимъ. Вонъ прочти объявленіе: „солдаты, вы все получаете въ своихъ частяхъ и потому не лишайте населеніе хлѣба“.. становись въ общую очередь, мы слова не скажемъ, а безъ очереди не пустимъ.. Бабы, особенно пожилыя, волновались. — Шабашъ теперь солдатамъ брать хлѣбъ безъ очереди...

— Встань въ четыре часа, продежурь у лавки до 8 часовъ и когда уже у самой выручки тебѣ скажутъ, что нѣтъ больше хлѣба и ты останешься съ носомъ, тогда ты поймешь, что значить лишній человекъ въ очереди...

Криковъ было много, но Палашинъ поклонникъ не обращалъ на нихъ вниманія. Онъ лѣзъ напроломъ. Онъ видѣлъ передъ собой Палашу и это было все; такъ или иначе онъ долженъ достать хлѣба.

Онъ самъ волновался. Шинель у него была на распашку и еле держалась на плечахъ. Онъ бралъ приступомъ бабью очередь, расталкивая ихъ боками и локтями. Бабы выходили изъ себя, кричали, ругались.

— Не пустимъ, не пустимъ!

А храбрый солдатикъ, Палашинъ поклонникъ, стоялъ уже у дверей лавки.

Онъ уже шмыгнулъ въ лавку, но въ этотъ моментъ шинель слетѣла съ его плечъ, очутившись въ рукахъ одной бабы.

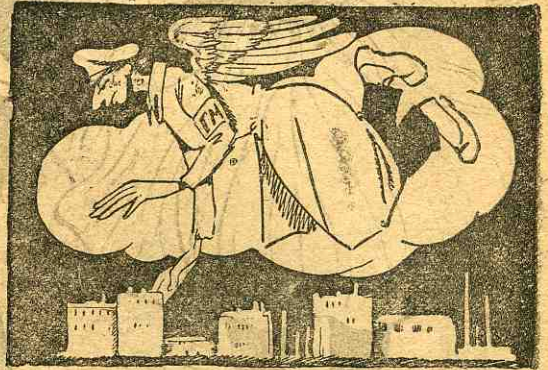
Палаша получила отъ храбреца обычный ситный и хлѣбъ и въ награду ему состроила многообъясняющіе глазки, но бѣдному герою было не до того: онъ искалъ свою шинель.

— Въ комиссариатъ понесли! хохоча утѣшали его бабы...

Бѣдному герою предстояла развязка...

Мар. Гурина.

ГМ!!!

По небу полночи стражникъ летѣлъ
И пристально въ окна глядѣлъ.
Въ рукахъ у него комиссару доносъ:
Спиртъ вынюхалъ стражниковъ носъ...
На завтра... арестъ, конфискація, громъ...
— Не кончатъ мерзавцы добромъ!!!

ВЕСНА ВЪ ГОРОДѢ.

Пусть весна въ городѣ неприлично-замѣтна,
И пусть въ угрюмыхъ устахъ она—грязь,
Пусть проститутка весной некорректна,
Но я люблю весеннюю разнообразь!..

Пусть ненасытны живыя лица
И пусть ничинны желанія ихъ,
Но я не скажу, что жизнь—небылица
Въ день, поющій весенній стихъ...

Это зимою мечталось уютно,
По незнаемомъ была одинокая тоска,
Но весною душа молода и распутна
И отъ мечтаній совсѣмъ далека.

Пусть сердцевесной неразборчиво-бурно
И пусть оно любитъ кряду семь дѣвъ,
Пусть небо укоряетъ его: некультурно
Но я люблю весенній напѣвъ!..

Пусть весна въ городѣ неприлично-замѣтна,
И пусть ничинна ея разнообразь...
Послушайте, люди! Весна же—бездѣтна.
И ей ли оставить въ наслѣдіе грязь?!

Коть.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

— М-а-амка, разбуди меня завтра по
раньше...

— А что ты будешь дѣлать?

— Ка-ашу ѣсть!

ВЪ БѢЛЫЯ НОЧИ.

— Мить!.. Но-о-счь-то бѣ-ѣ-лая, пребѣлая!..
 — Чивой-то бѣлая?.. А я вотъ нынче на югъ
 собрался.
 — Лѣчиться, што-ли? Въ Эссентуки?
 — Не-е...
 — Наслѣдство какое получаешь?

— Не-е...
 — Хранцуженку можетъ завель такъ на ку-
 рортъ везешь?
 — Не-е...
 — Такъ чиво-жъ ты, лѣшій, на югъ-то несешь?
 — Да ночи тамъ темныя,—воровать сподручатъ!..

БАБЬЕ ГОРЕ.

Въ дальнюю сторонку
 Мужа провожая,
 Голосила звонко
 Баба молодая.
 „Не тоскуй, Федора,
 Что за прокъ въ печали?—
 Мужъ вернется скоро“,—
 Бабу утѣшали.
 То-то и тоскую—
 Баба голосила,—
 „Что вернется, чую,
 Скоро мой Гаврила!“.

Куликъ.

МЕСТЬ—ИДИОТАМЪ.

Телефонистку Милю Лысову разлюбили
 помощникъ бухгалтера Вѣтерковъ, потому
 она пылала местию, когда у Ивана Ивано-
 вича Суматохина загорѣлась квартира, въ
 силу чего бѣдняга метался какъ угорѣлый,
 и думалъ не о мести, а о спасеніи своего
 живота!..

Мать Агнія стояла на вечерней молитвѣ,
 отвѣшивая поклонъ за поклономъ, стараясь
 исполнить добровольную эпитимию въ сто ве-
 чернихъ поклоновъ

У каждаго изъ этихъ людей было свое

дѣло и свое настроеніе и рѣшительно никто изъ нихъ другъ о другѣ не думалъ.

И вдругъ — шутка судьбы!

Очумѣвшій отъ ужаса Иванъ Ивановичъ Суматохинъ подбѣжалъ къ телефону и началъ гвоздить кулакомъ по его обѣимъ кнопкамъ. Сигналы на станціи замигали какъ глаза бѣшеннаго звѣря.

А Миля Лысова даже мирныхъ-то сигналовъ не переносила въ этотъ отвратительный для нея вечеръ. А тутъ пожалуйте: Хлопъ-хлопъ-хлопъ! Мигъ-мигъ-мигъ!

Она съ яростью приняла номеръ „хлопуна“ и оборвала его:

— Перестаньте хлопаты! Станція!!

— Я горю, чертъ васъ возьми-то, а вы тамъ спите! — зарычала Суматохинъ, продолжая давить кнопку.

— Ахъ, такъ, ты горюшь?!.. Такъ я сейчасъ угашу твой зловѣщій страсти — прошипѣла Миля и „поставила“ хлопуна на такой номеръ, чтобы онъ совѣсьмъ воспламенился.

— Го-о-то-о-во! — отчетливо и злоехидно сообщила она Суматохину.

Въ тихой кельѣ матери Агніи бѣшено задребезжалъ телефонный звонокъ.

Мать вздрогнула, перекрестилась, отмыла на четкахъ 79 поклоновъ и кротко, не спѣша, подошла къ телефону:

— Я ва-а-съ слу-у-шаю.

— Что за безобразіе! Я горю, а вы тамъ спите! Скорѣе пріѣзжайте на Плуталову, номеръ 24! Силь нѣтъ! Горю! Пылаю!!

Выпалили изъ телефона страстные слова.

— Святъ, святъ, святъ! Осѣни меня мать Пресвятая Богородица! Отжени бѣса. Вы откуда говорите-то? — кротко спросила мать Агнія своимъ бархатнымъ баскомъ.

— Съ Плуталовой, 24. Горю-ю-ю! Выбѣжайте немедленно!!

— Господи, а я-то при чемъ же тутъ?

— Какъ при чемъ?! Я же вамъ русскимъ языкомъ говорю что горю въ огнѣ, въ квартирѣ своей!! — завизжалъ Иванъ Ивановичъ.

— Простите меня, я мать игуменія.

— Кто? Игуменія?! А какъ ваша фамилія?!

— Господи, какая вамъ фамилія, я въ ангельскомъ чинѣ...

— Тьфу, чтобъ васъ...

— Ага-а, дохлопался! — злорадствовала Миля Лысова, выключаясь изъ контакта вышприведеннаго разговора.

— Хотя этому идиоту отомстила! — подумала она, возвращаясь къ мысли о своемъ измѣнникѣ.

Никитъ Заушинъ.

Разныя платформы.

— Барышня!.. Чаю одному!..

— А ты какой партій?

— Ну, а тебѣ што за дѣло? Можетъ я кадетъ, либо эстетъ!

— Ну тогда и безъ чаю хорошъ!.. Катись колбаской!.. Я только большевикамъ подаю!

СКАЗКА О ГУЛЯЩЕЙ СОВИЦѢ.

Не всѣ лѣсные совы —
Замужнія или вдовы.
Была средь нихъ совица
Гулящая дѣвица
Всю ночь она гуляла...
То къ филину приткнется,
То, распѣвая сало
Къ сычу приволокнется.
Или, случилось тоже,
Въ пылу веселой пляски
Она съ циничной рожей
Орлу сооритъ глазки.
Но разъ стряслось неловко:
Ругаясь пьянымъ басомъ,
Царю лѣному совка
Мигнула лѣвымъ глазомъ.
Разгнѣванный владыка
Тутъ гикнулъ коршунъ — птицу,
И ободралъ онъ въ лыко
Гулящую совицу.

Неманъ позднолетающій

ЭПИЗОТИЯ.

— Вотъ такъ исторія!

— Что такое?

— За Московской заставой прокаженныхъ обнаружили.

— Такъ они раньше на углу Дворянской и Каменноостровскаго околачивались?

— Болванъ такая, что быстро распространяется...

ПРАВИЛЬНОЕ СООБРАЖЕНІЕ.

— Что ты хочешь дѣлать?

— Напишу письмо младшей сестренкѣ.

— Но вѣдь ты не умѣешь писать?

— Да, папа, но она зато не умѣетъ читать!

ПОСЛАНИЕ ГИМНАЗИСТУ.

(легкомысленное).

И поспѣлъ ужъ виноградъ
И налились почки.
Выйди, другъ мой, радъ не радъ,
Брось свои урочки.
Выйди, братъ мой, — ждетъ тебя
Дѣва молодая.
Ротикъ чудный у нея,
Сила — огневая.
Обними ее скорѣй,
Затумань голову.
Рада будетъ, ей же-ей,
Юная плутовка.
И цѣлуй ее, мой братъ,
Звонко, въ обѣ щечки...
Вонъ — поспѣлъ ужъ виноградъ
И налились почки.

Ильинъ С.

ЛИТЕРАТОРЪ.

— Ваше призванье?
— Поэтъ.
— А вы гдѣ-нибудь печатались?
— Да.. Въ 16-мъ году.. Въ „Вѣдомостяхъ
Петроградскаго Градоначальства“... Какъ на-
пѣшья, такъ тебя то на мѣсяць, то на два
глядишь и пропечатать!

ВЫХОДЪ.

— Знаешь, милочка запретили изготовлять пи-
рожное, кексъ, мороженое... Но къ нашему двор-
нику ходить одинъ босякъ, и мужъ мой намѣренъ
провести его комиссаромъ въ участокъ. Личность
вообще мерзкая, но я думаю черезъ него доставить
что надо.

РѢВНИТЕЛЬ.

— Что, Силантій Кузьмичъ, ты ужъ по
новому закону успѣлъ тюрьмы заработать?
— Тюрьмы не тюрьмы, а варсенаго дому
хватить. Это было.

— Слыхаль я. Мнѣ Степанъ Никандровъ
сказывалъ. Потому, грить, мы съ Кузьмичемъ
первоначально разсуждали въ трактирѣ. по-
томъ, грить, онъ въ возвышенныхъ чувствіяхъ
ушелъ домой и по дорогѣ, грить, оказія съ
нимъ приключилась.

— Ну его, къ шуту энтаго Никандрыча
самаго. Онъ то больше и имѣлъ, такъ ска-
зать, сновоположеніе кровавой-то энтотъ дра-
мъ...

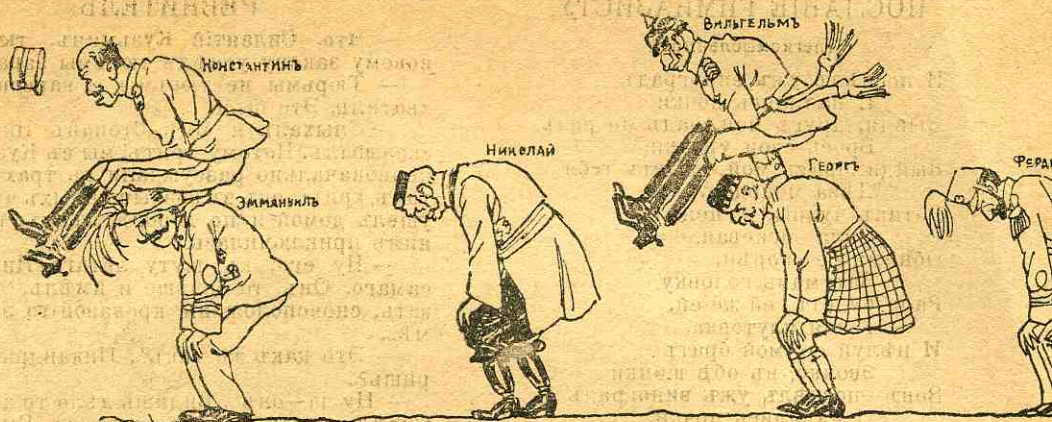
— Это какъ же такъ?.. Никандрычъ, гово-
ришь?..

— Ну да—онъ... Видишь дѣло то какъ было.
Сидѣли мы съ нимъ въ трактирѣ. Ну, конечно,
подъ палитурнымъ давленіемъ. Ну и пре-
красно. Только приходитъ туды китайченокъ,
мальчишка, то-есть, пришелъ и зачалъ свои
азіяскіе фокусы декламировать. Ловко рабо-
таль, словъ нѣтъ. Я ему даже отъ внутреннаго
удовольствія бону копѣечную даль... Тарелку
энту самую на сини крутилъ и разное тамъ
другое... Да ты самъ, навѣрно, не разъ ви-
далъ ихнія причуды-то?..

— Видаль... Ну и ты что же?..

— Да я—ничего... Слушай дальше... Ну
ушелъ онъ, а мы, съ Никандрычемъ завели
на китайскую тему разговоръ... Я вопче эн-
тихъ „ходовъ“ терпѣть не могу, потому, стер-
вячій народъ... Грязный, жретъ, что ни по-
пади, всякаго гада... Однимъ словомъ—Азія.

Ну я и говорю Никандрычу: не человѣче-
скій народъ молъ, энти самые ходи. А онъ:
почему? Первая статья, говорю: грязный, а
вторичное, говорю: всякую пакость, даже
вшу, въ пищу употребляетъ. Ну, это, грить—
ты врешь. У насъ, грить, живетъ ихъ паръ
пять и ничего подходящаго нѣту. Люди, молъ,
какъ люди... Ну и заспорили. А оно видишь,
какая штукавина: здѣсь, вѣдь, не одна ки-
тайская порода, есть японцы и корейцы
тамъ разные, потому, я полагаю и различіе
въ пищѣ у ихъ имѣется... А что касаето ки-
тайцевъ, тотаракановъ лапаютъ—энто я крестъ
могу во всякій моментъ поцѣловать... Эй-Богу!
Ну, одначе, ладно... Спорилъ Никандрычъ,
спорить да потомъ: „Грѣхъ, грить, такую не-
нависть къ нездѣшней націи имѣть. Они,
грить, народъ самый обнаковенный и даже,
грить, сынами небесной имперіи, прозыва-
ются. Чуть я ему въ ухо за это не врѣзалъ,
да спасибо, сосѣди задержали и урезонили.
Да и весь говорить зачали: Это, грить, вѣрно,
такъ и газеты печатають. Ну а я, самъ знать,
человѣкъ нервный, особливо, когда выпим-
ши. А съ Никандрычемъ мы три хунта поли-
туры успокоили... Илюнулъ я со зла, да и
пошелъ домой... Хорошо... Иду, а внутрѣ та-
кое озлобленіе. Фу, ты думаю, православные
мы христіане, деригія наша вопче самая что
ни на есть первая, а тутъ, какая-то желтая,
прости Господи, облизыванъ порода и въ сы-
новья небесные дѣзеть... Гдѣ же тутъ пра-
вило? И какая же опосля сего республика?
Иду это: „Ну, думаю: не попадайся мнѣ чи-
часъ ни одна азіяская личность“... А онъ,
тутъ его войми, какъ на зло вѣр-за угла

КУЧА МАЛА.

Эхъ, братцы, дайте потрепатцы, потому скушно, а безъ дѣла сидѣть несподружно! Сидишь за чаемъ эта, а передъ твоимъ андельскимъ рыломъ газета, а въ газетѣ враки пишутъ пишобные писаки. Тутъ те Америка, тутъ те Италия, тутъ те Албанія, это—Австралія, Албанія, Болванія, и даже Туркестанія и теплая Испанія, и въ каждой странѣ народъ на ремя, словно спицу у барыни въ хорошую погоду.

Развели, вишь ты, такую моду, чтобы въ каждой странѣ Король съ королятами, министрами поросятами, парламентомъ болтливымъ, совѣтомъ молчаливымъ, со всякими штабами, придворными бабами и прочей шатіей и аристократической братіей...

А отъ нихъ идетъ всякая еклока отъ Запада до Востока, дипломатія да интрига, тюрьмы да вериги, бойни сто-миліонныя, города сожженные, гладь, морь и всякое такое.

Одного только нѣтъ—покоя.

Сидишь за чаемъ эта, а передъ тобой газета, читаешь, читаешь грезами въ райскія страны улетаешь и мечтаешь:

— Куча мала!!! А большая бы была, кабы все захотѣли!

вышелъ: „Шелкъ матерія“! оретъ. Не выдержалъ тутъ я... Сгрѣбъ его за евойную кофту и говорю: „Почему, молъ, ты, монгольскій идолъ въ небесные сыновья мѣтишь? А онъ: ги-ги! хохочетъ дьяволь. Не понялъ, что-ли, что я въ серьезныхъ самочувствіяхъ говорю. Ну, меня отъ этого смѣха и взбѣсило. К-аакъ жвакнулъ я въ евойную желторожую рожу. Весь его желтый колеръ однимъ, то-есть, реисомъ, на манеръ, сурика доспѣлъ... Опосля, аршинъ изъ рукъ его выхватилъ и почалъ реквизицію по всему его эфиепскому существу производить... Убилъ бы, ей-ей, кабы не народъ. Сбѣжались это со всехъ сторонъ. Схватили. А я, какъ полоумный, знай ору по чемъ зря: „Дайте мнѣ его, стервеца, святотатца, вшиваго бдуна—я его ликвидирую.“ Ей-Богу, такъ и оралъ, ликвидирую. Запала эта газетная утка въ мозги и политурой немислимо выплбить. Ну, ладно... Все орутъ: „Что, молъ, онъ такого святотатственнаго совершилъ?..“ „А такое, говорю, что сыномъ небеснымъ смѣетъ прозываться—И это развѣ не святотатство надъ русской леригіей“... Ну, поволокли меня, торжественно, какъ архіерея. Протоколъ, конечно, какъ полагается. А я

знай одно кричу: „И въ другоредъ кажинный желторожій эфиепъ будетъ отъ меня такую пожизненную пенсію получать, потому есть у насъ одинъ сынъ небесный Христосъ Богъ и не можетъ быть иного, тѣмъ паче изъ этой мерзкой азіятской секты...“ Ну, а потомъ... Тыфу, ты, пропасть, опять...

— Чего ты, Кузьмичъ?

— Да вотъ видишь азія ташится...

— Ты чего? Ха-ха! И чудакъ же ты, Силантій Кузьмичъ. Трезвый же чичасъ...

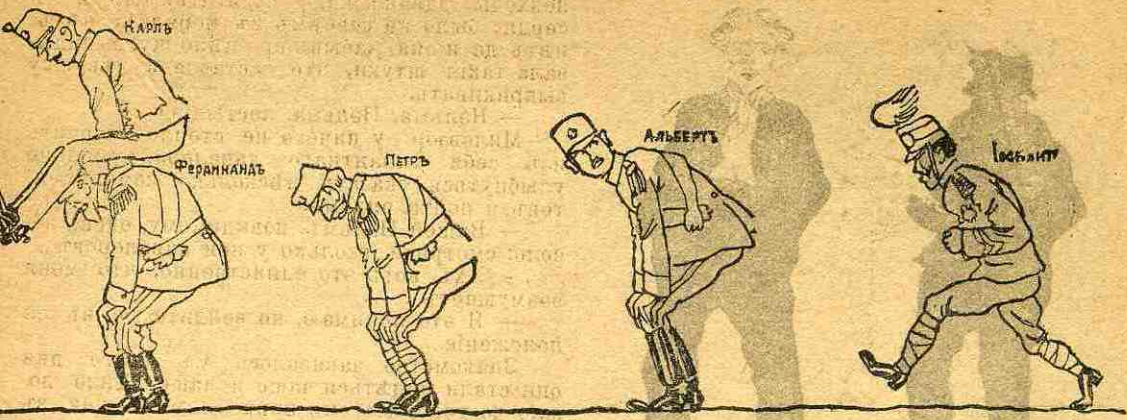
— Нѣтъ, не могу я... Что же по твоему леригія,—игрушка ребячья что ли? Не могу, видить Богъ... Чичасъ опять всю эту злостность почуялъ.

У-у! Кій въ твою бильярдную образину, Съ дьявольскимъ обличьемъ да къ небу лѣзть.

— Стой Кузьмичъ!.. съ ума снятилъ?..

— Пусти, я его...

— Не тронь, чудакъ. Рази можно... Ахъ ты, Господи, вырвался... Брось, Кузьмичъ... Ой, врвался... Ну такъ и есть: опять заработалъ каталажки!..

Чего, братцы на самомъ дѣлѣ... Часто вотъ вижу я въ сладкомъ бреду сію развеселую чехарду.

Внизу лежитъ персидскій шахъ въ широкихъ штанахъ, халву отъ огорченія лопааетъ и ушами хлопааетъ. На немъ Мануэлъ Португальскій, знаменитый, какъ Мамонтъ Дальскій—скандалами, драками и пьянствомъ и своимъ ех—королевскимъ чванствомъ. Поодаль турецкій Абдулъ Гамидъ въ полномъ упоеніи лежитъ и самъ не знаетъ, не то онъ Султанъ въ отставку, не то приказчикъ изъ мясной лавки... А на нихъ летитъ нашъ недавній герой, нашъ самодѣльный Николай Второй, летитъ, кувиркается и отъ удовольствія ухмыляется.

А наверху Костя Элдинскій, словно шпингалетъ удѣльнинскій, черезъ Эммануила Итальянскаго прыгаетъ... Ишь, какъ ножками прыгаетъ.

За ними Никола Черногорскій пригото-

вился, все еще до старости не успокоился обобралъ черногорцевъ до гола...

А кучи все мало!!

Зато на очереди Вильгешка Германскій, Императоръ хулиганскій, потомъ Егорушка пятый Британскій, да Австрияцкій Карлушка, Вильгешкина игрушка, самоварная заглушка.

А тамъ Фердинашка Болгарскій, носилъ татарскій, а тамъ Петряйка Сербскій король, что превратилъ Сербію въ пепелище, на Николку Романова понадѣялся,—а самъ и просѣялся... А тамъ герой Альбертъ Бельгійскій въ шапочкѣ фригійской,—я ста грить да я ста, уходи изъ Бельгии пожалета, а то я Англичанамъ пожалуюсь...

А тамъ Юсикито Японская въ хвостъ стоитъ и глазки коситъ:

— Скоро-ли, моль, и я подѣ обрывъ си- гану...?

А ну, братики, ну!.. Куча мала!! Куча мала!!

Евст. Б.

ОТТУДА.

Овѣянъ ты дыханьемъ вьюги,
Но щеки ярче вешнихъ дней...
Пришелъ шепнуть своей подругѣ
О томъ, что ты вернулся къ ней
Слеза скатилась у желанной,
Изъ пальцевъ выпала игла...
Пускай болитъ и ноетъ рана—
Душа—здоровая и свѣтлая.
Покаместъ ты съ любимой дома,
Зачѣмъ о будущемъ гадать?
Какая въ воздухѣ истома!
Какая въ сердцѣ благодать!

А. В.

СТИХИ ТОЖЕ...

Мнѣ снился берегъ, тощія скамейки,
И чьи-то ноги, тощія, какъ рейги.
И что-то хилое и тощее дрожало
И въ чей-то бокъ вонзалось чье-то жало.
Мнѣ снился вечеръ, призрачный и хилый,
И въ тошемъ паркѣ двѣ худыя виллы,
Надъ моремъ гнило яблоко заката,
А море было тихо, какъ лопата.

Китобой.

— Што-жъ ты за нахаль. Тебѣ-же я подала пять копѣекъ, ты же и лаешься.

— Дыкъ вы сами же просили родителей помянуть.

Не жатье, а малина, ей Богу, настало.
Царствуйте братья—апаши!
Что намь милиция? Горюшка мало,
Тамь—наши!

БУРЖУЙ.

Онъ былъ свободный гражданинъ, потому что былъ совсѣмъ безъ занятій. Нелья сказать, чтобы это для него было очень приятно, такъ какъ съ такимъ положеніемъ вещей зачастую не соглашался его желудокъ, но тѣмъ не менѣе это было такъ.

Счастливыми днями были для него, когда онъ, ставъ въ очередь, доставалъ себѣ хлѣба.

Лишь только просыпался Иванъ Ивановичъ, какъ передъ нимъ вставала грозная мысль:

— Гдѣ сегодня онъ достанетъ работу?

Онъ тратилъ послѣдніи деньги на покупку газетъ, выписывалъ объявления, гдѣ требовался конторщикъ или что-нибудь въ этомъ родѣ и бѣгалъ по указаннымъ адресамъ.

А тѣмъ временемъ я е желудокъ его пишалъ, ботинки сильнѣе оскаяли зубы, одѣяніе приходило въ ветхость...

Однажды въ такую злую минуту шель онъ по Николаевской улицѣ, убитый и растерянный.

Вдругъ, откуда ни возьмись, передъ нимъ выросла изящная фигурка стройной молодой дѣвушки.

Около нея на дѣпочкѣ бѣжала красивая большая собака. Розовыя губки дѣвушки то и дѣло раскрывались!

— Нельма, Нельма!

Но собака, окруженная цѣлой сворой четвероногихъ товарищей, любовно обнюхивавшихъ ее, плохо отзывалась на ея призывы къ порядку, рвала въ сторону и забѣгала впередъ.

Миловзоровъ замѣтилъ, что ретивая Нельма также принадлежала къ прекрасному полу. Стая рыжихъ и пестрыхъ кавалеровъ, игриво помахивая хвостами, старались понравиться, но Нельма, какъ и подобаетъ особѣ женскаго пола, игнорировала все изъ

подходы. Однако, надо полагать, что и ея сердце было не совсѣмъ въ порядкѣ: нѣтъ-нѣтъ да и она, забывъ про пѣпочку, выкидывала такія штуки, что заставляла дѣвушку выкрикивать:

— Нельма, Нельма, постыдись...

Миловзорову ничего не стоило скорчить изъ себя галантнаго кавалера, умышленно улыbnуться, сказать нѣсколько комплиментовъ и пойти рядомъ.

— Вашей Нельмѣ, повидимому, очень весело: смотрите, сколько у нея кавалеровъ...

— Ахъ, вотъ это единственно, что меня возмущаетъ...

— Я это понимаю, но войдите же въ ея положеніе...

Знакомство завязалось. Съ этого дня они стали видѣться чаще и чаще. Дѣло дошло до того, что онъ приходилъ къ ней въ гости и она передъ своими господами, у которыхъ служила горничной, откомендовала его женихомъ.

Вмѣсто нея частенько онъ ходилъ на прогулку съ Нельмой.

Она была очаровательна. Породистые бульдоги, сетера, волкодавы, гончія и борзья—цѣлыми стаями увивались за нею.

Миловзоровъ всѣхъ ихъ приводилъ въ свою конуру.

Утромъ онъ раскрывалъ газету и смотрѣлъ объявленія:

— Пропала собака... приличное вознагражденіе...

Теперь онъ имѣлъ возможность купить себѣ новый пиджакъ, чистую бумажную манишку и починить свои ботинки.

Когда онъ шель по ея убогимъ закоулкамъ, блестя бѣлизной воротника и манишки, уличные мальчишки кричали въ слѣдъ ему.

— Буржуй, буржуй...

Я. Козюхинъ.

— Па-слушай, къ кому ты меня приревновала, а? къ старой, загаданной бабѣ? вотъ-то дура, ей-Богу дура, ты думаешь ежели и пьяный, дыкъ лучше и не найду, а?

ГОРОДЪ НОЧЬЮ.

Когда все спитъ, онъ просто вздорный. И въ немъ тоска иедной чужь,

И дикъ чертежъ его узорный,

Упавшій въ мутъ панельныхъ лужъ.

И фонари взирають туло,

И непонятенъ пѣшеходъ,

И въ проституткѣ зла поступокъ

Казнить себя: каковъ уродъ?!

Но я люблю бродить безъ цѣли

По улицамъ впередъ и взадъ,

И каждой лужи на панели,

И фонарю и людямъ радъ.

И точно дѣвы-проститутки

О чемъ-то смутно говорятъ,

И въ отвратительнѣйшей шуткѣ,

Не месьте-ли злую дню творять?

Не знаю... Нѣтъ... Но только предель

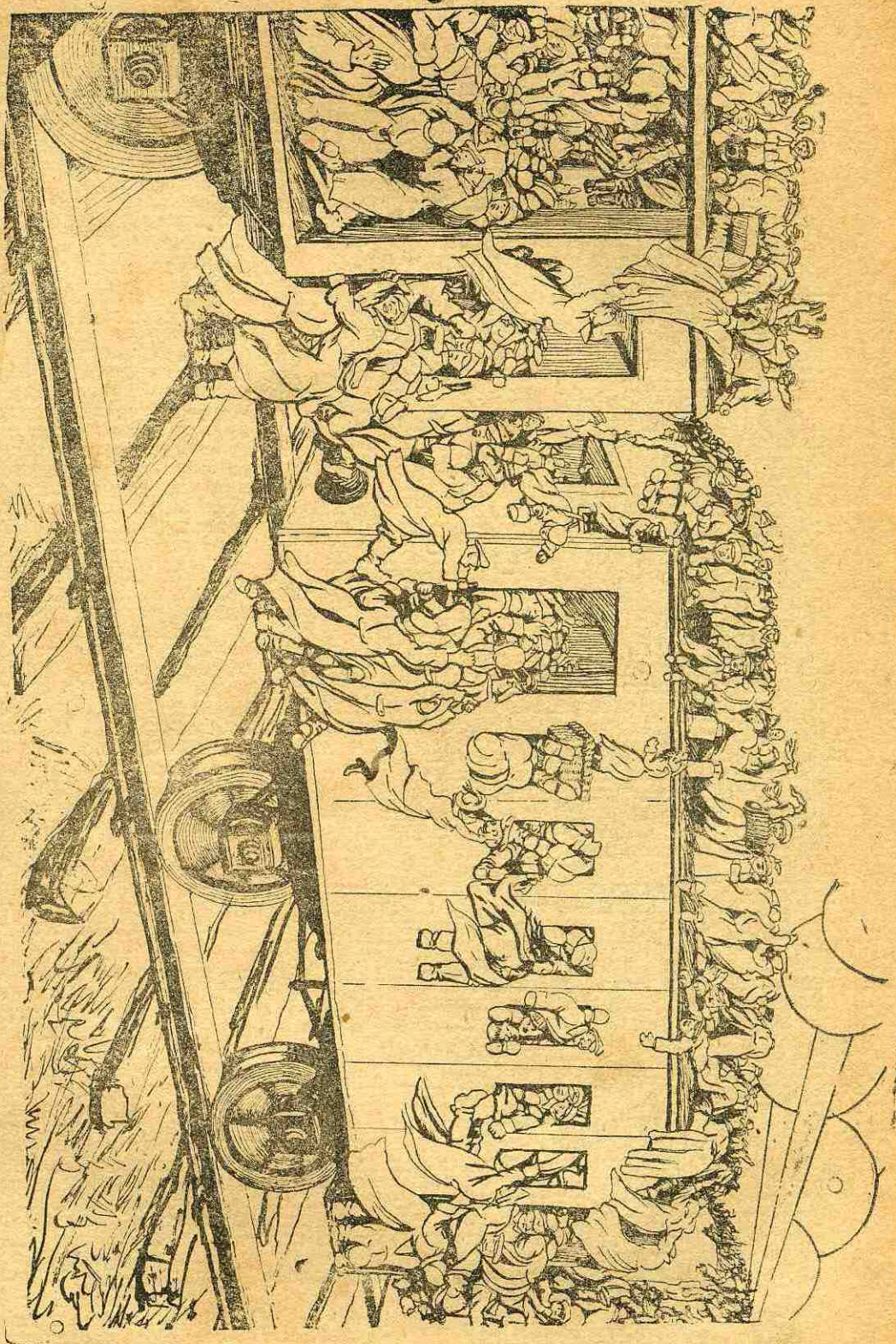
Въ живой душѣ я нахожу...

И поминутно каждой чертѣ

Готовъ свернуть...

И вотъ—хожу.

Шоржна.

— Это еще что? Читайся бжать на родину благодати: севемя просторно, но и не скучно, народъ все таки есть. А вотъ бжали мы намедни, такъ на всемя ходу обья мостъ голодамя. Треску что было... Знамо, каменникий...— Много пострапалот!— Насъ-то? Насъ никого, всея зпоровы, а мостъ въ шепки... Знамо, обья голомя... Развъ выдержитъ...

Гимназистъ:—А у насъ славянскій отиѣнили.
 Мадеть:—А мы будемъ конюшню чистить.
 Гимназистъ:—А намъ Ъ, Ъ, I и Ѡ выбросили.
 Мадеть:—А мы будемъ солдатамъ сапоги чистить.
 Гимназистъ:—А мы теперь батюшку можемъ къ черту послать.
 Мадеть:—А мы будемъ уборную чистить.

ТРЕПАЧУ.

Я для всѣхъ и ничей,
 Изъ числа трепачей,
 И свой стихъ я строчу
 Трепачу!

Близъ я свѣтлой зари,
 Возлѣ глазъ фонари,
 Я дитя неудачъ,
 Я—трепачъ.

Пусть тернисты стези,
 Пусть усталъ я, въ грязи,
 Миѣ чихать трепачу
 Я молчу!

Дай, миѣ руку трепачъ!
 Не печалься, не плачь,
 Ты, трепачъ—царь теперь,
 Вѣрь!

Въ дни мильона слободъ
 Выйди гордо въ народъ
 Бей, громи знатныхъ клячъ,
 Ты—трепачъ!

Митя Носматый.

МАЙСКОЕ.

Поэтъ, встрѣчай
 Веселый май
 Стихомъ, вънкомъ;
 Душистъ и чистъ
 Зеленый листъ
 Въ саду моемъ.
 Зеленый цвѣтъ—
 Милѣ нѣтъ
 Его!! О, да!
 Его любить,
 Ему служилъ
 Поэтъ всегда.
 Увы! Увы!
 Сгорѣли вы
 Цвѣты въ огнѣ.—
 Казенной нѣтъ!
 Зеленый цвѣтъ
 Не милъ сталъ миѣ.

Кулинь.

ЛОГИЧЕСКІЙ ВЫВОДЪ

— Папа, почему моя сестра не можетъ ходить?

— Она маленькая.

— Маленькая?! а вотъ, мамнины часы еще меньше, а ходятъ?

ОТВѢТЬ ПО СУЩЕСТВУ.

— Скажите, вы однихъ родителей?

— Нѣтъ,—онъ „маминъ“, а я— „папинъ“.

ЗООЛОГІЯ.

Каковъ гусь. Я братъ собака старая, стрѣляный воробей. Вижу: ѣдетъ зайцемъ. А самъ такимъ ягненкомъ прикинулся, молчитъ, что рыба—сомъ. Врешь, думаю, голубь, какъ хошь—лисой прикидывайся, я те коршуномъ сграбастаю... Къ-экъ взялъ его за грудки медвѣжьими своими лапками,—и въ комиссарьятъ. Сидитъ теперь теленокъ теленкомъ...

ОТТУДА.

Овѣянь ты дыханьемъ вьюги,
 Но шеки ярче вешнихъ дней...
 Пришелъ шепнуть своей подругѣ
 О томъ, что ты вернулся къ ней.
 Слеза скатилась у желанной,
 Изъ пальцевъ выпала игла...
 Пускай болитъ и ноетъ рана—
 Душа—здоровая и свѣтлая.
 Покамѣсь ты съ любимой дома,
 Зачѣмъ о будущемъ гадать?
 Какая въ воздухѣ истома!
 Какая въ сердцѣ благодать!

А. В.

РАЗГОВОРЪ.

— Нѣтъ, эвто ты неправильно, Лаврентичъ разсуждаешь, что безъ временнаго правительства и министровъ обойтись невозможно. Какъ же можно эвти самыя дѣла государственной важности будутъ разрѣшенію повергаться?

— Тѣфу! Да народъ-то, по-твоему, головы рѣшень, что-ли? Слава тѣ, у кажиннаго на подлежащемъ мѣствъ существуетъ! Дура!

— Вотъ ты то и выходишь головы рѣшень. Да рази достаточное количество того, что кажинной головой обладаетъ. Вѣдь окромѣ пустой головы надо мозговое существо имѣть А у всѣхъ ли оно въ полной плепорціи?

— А министеръ безъ дипломатіи-то, что рыба безъ нутреннаго пузыря. Безлчность, однимъ словомъ.

— Дипломатія... Подумаешь, великое дѣло Жульничество это, ни что иное.. Что такое дипломатъ? Маклакъ изъ Александровскаго рынка, али тотъ же барышникъ съ Конной—

только и всего.. Таперича—свобода и нечего тутъ въ жмурки играть. Веди прямую линію.

— Ты это не вѣрно, милый... Куда же ты, прости Господи, безъ этой дипломатіи?.. Примѣрно, разныя анкеты съ иностранными послами обсуждать?

— А на кой лядъ иностранные послы? Ну, да хотя бы и съ послами... Ну и чего же — Чаво? Ахъ ты чудакъ человекъ. Да нешто намъ съ тобою возможно съ иностранными министрами рѣчи производить?

— А что же?.. Конешное дѣло языкъ обучить надо. А то можно и безъ иностраннаго нарѣчія?

— Это какъ же такъ?..

— Да оченно просто. Приѣхали, примѣрно, ко мнѣ послы и зачали на своемъ жиргонѣ канитель. Ну, а я, примѣрно, министеръ: „Товарищи, молю, изъяснитесь на моемъ чистокровномъ языкѣ, во избѣжаніе, дескать недоразумѣнія и пресѣченія шпіонажа...“ Что? Съзвѣ?..

— Ну, за это, братъ, по головкѣ не поглядятъ, потому тутъ оскорбленіемъ личности пахнетъ. Разъ возможно въ стратегической бесѣдѣ такіе дикіе изрекать... Вотъ тутъ сейчасъ тебѣ и война...

— Война?

— А то—нѣтъ? Первымъ долгомъ ноту пропишуть: „по-какому, молю, печальному инциденту вашъ министеръ нашего нецензурнымъ званіемъ обезчестилъ?“

— Нѣтъ, да ты постой.

— Ну, стою.

— Ну, обучилъ я, примѣрно, свой языкъ иностранному превозношенію и только. А дипломатію къ чертовой матери! Не должно ее существовать при республикѣ...

— Опять же ты врешь, Лаврентьичъ. И сердисься... Ты обсуди хорошенько: коли ежели ты на дипломата экзамена не выдержишь,—министерскаго портфеля тебѣ не дадутъ...

— И не надо...

— А какъ же министромъ быть?..

— А зачѣмъ министры? Это то же—журничество, арапія... Да ежели не дадутъ портфеля твоей,—можно и безъ ее, ато узялъ да купилъ въ магазинѣ—любой на выборъ.

— Да портфель то это такъ называется—это значить, тебѣ въ министерство, какъ на учетъ—беруть. По ихнему—портфель... Голова!..

— Ничего я не знаю. Одно донятно, что никакихъ антихъ безвременныхъ правительствъ, ни министерій намъ не надѣть. Вотъ и весь сказъ!

— Не надѣть, не надѣть! Кого же тебѣ-то яшшо?

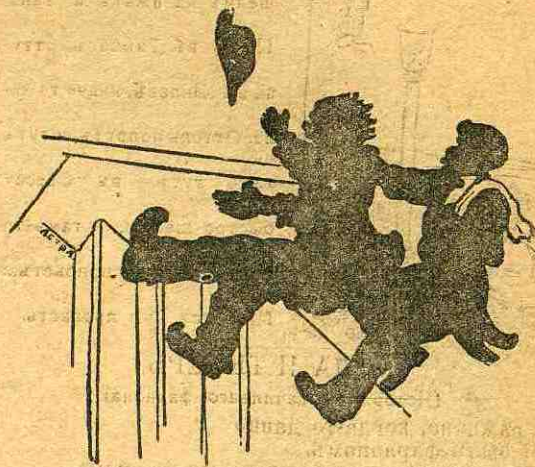
— Кого? А примѣрно, хоша бы выборные которые. Такъ сказать, народное правительство.

— А временное-то не народное?

— Ну, народн... Да чего ты присталь, какъ банный листъ, прости Господи? Отвяжись, сатана со своими временными и временными... И по какому праву ты эти допросы производишь? Что ты за комисаръ такой изъ охраны? Отойди отъ грѣха, не ручаюсь я за свою невинность!.. Тѣфу!.. А тутъ еще казенки закрыты!.. Могила!..

В. Андреевъ

По прискуранту

— „Анархистамъ—скидка“.

ИДИЛЛЯ.

(Изъ дневника).

Твой взглядъ лучистый цѣловаль мнѣ душу,
Твой вѣжливый взглядъ мнѣ сердце пламенилъ.
Онъ свѣтлый рай душъ моей сулилъ,
А ты... спокойно уплетала грушу...
Сидѣли мы подъ тѣнью старыхъ липъ,
Ты улыбнулась мнѣ задорно-мило,
Но... только я къ устами твоими прилиплъ,
Ты мнѣ здоровую пощечину вѣбнула...

Миша Косматый.

ЧАСТУШКА.

Я трепачъ, но богачу
На бокъ рыло сворочу.
Изъ корзинки хлѣбъ ѣдимъ,
Въ богатей плевать хотимъ!
Веселитесь, трепачи,
Взвыли волкомъ богачи...
Не бойтесь неудачъ
Развеселый нашъ „Трепачъ!“

Плашкетъ.

НЕПОКЛАДИСТЫЙ.

Я большевикъ, накрикъ,
на штыкъ, на все хочу
плевать. Побить хотять,
уйду въ Кронштадтъ,—
тамъ прямо благодать.
Возьметъ Кронштадтъ сол-
датикъ хватъ, уйду себѣ
въ Тамбовъ,—оттолъ алла,
я глядь—въ Орлѣ, а тамъ
пойду во Псковъ... Прого-
нять, тѣфу, уйду въ Уфу.
оттуда въ Оренбургъ, при-
бьютъ штыкомъ, уйду пѣ-
шкомъ въ Екатеринбургъ

Конечно, тамъ мнѣ по
шеямъ наложить и зѣло.
Пойду въ Тамбовъ, отту-
да въ Шкловъ, иначе тяже-
ло. Оттоль попругъ, я тутъ
какъ тутъ — въ Одессу
быстро шастъ... А тамъ-то
флотъ... Ой-ой приѣдетъ...
Придется мнѣ пропасть.

ТОГДА И ТЕПЕРЬ.

(Исторія неудачливаго фараона).

Граждане, когда-то давно
Я былъ фараономъ,
Настоящимъ, египетскимъ, съ трономъ
И пилъ вино.
А также, помниая Изиду,
Гдѣ-то на берегу Нила
(Гдѣ именно, — память мнѣ измѣнила)
Строилъ себѣ пирамиду.
Ужъ вотъ какъ я надъ нею старался!
Мнѣ нуженъ былъ для вѣчнаго чванства
И пьянства
Соотвѣтствующей конструкціи домъ
Во всемъ Египтѣ дуракомъ
Я первымъ считался.

Однажды мои потомки,
Призывая имя Амона,
Указали на мое нездоровье
И пустоголовье,
Объявили меня низложеннымъ съ трона,
И даже лишили меня моей пирамиды!
Для фараона — нѣтъ горшеи обиды.
Мнѣ оставалось — пойти съ котомкой.

На берегу священнаго Нила
Я бросился въ пасть крокодила.

Пять тысячъ лѣтъ я скитался,
Но не зря, — перевоплощался,
Проходи степеня совершенства,
И, наконецъ, — о, блаженство! —
Обзавелся таки трономъ,
Ставъ опять фараономъ.

Граждане, это было не такъ давно.
Я былъ фараономъ,
Хотя и не египетскимъ, но съ трономъ,
И пилъ вино.
Создалъ себѣ пирамиду нерукотворную,
Крѣпкую, какъ слово заборное.
Но однажды мои потомки
Прописали мнѣ костоломку
(Говорятъ, за пакости моей свиты
И за то, что я дуракъ набитый),
Лишили меня трона,
И ставъ я не фараонъ, а — ворона!

Но пирамиду мою мнѣ оставили,
На весь миръ ее прославили
И ястреба ко мнѣ стражемъ приставили.

И. Окстонъ

СКОПСКАЯ ЮМОРИСТИКА.

Батка рыжий,
Матка рыжа,
Самъ я рыжий.
Рыжу взялъ.
Все семейство наше рыже.
Рыжий батюшка вѣнчалъ.

Н. Рыжовъ.

МАЛЮТКА.

— Мальчикъ, ты чего не работаешь?
— Мальдъ еще. Мнѣ рано.
— А почему это у тебя штанишки-то ко-
ротки?
— Баткины

ВЪ ХВОСТЪ.

Отъ жестокой голодухи
Въ утрѣ дня
Подрались черти въ брюхъ
У меня!

Я стою въ хвостъ-хвостикъ,
Какъ въ бреду.
И смиренно жалкой пищи
Жду и жду.

Жмутся люди ближе къ двери
Предо мной.
Ужъ поѣмъ-же я теперь
Хлѣбецъ свой!

А поѣмъ, — полюбуются пѣсни
Я — поэтъ.

Такъ поѣмъ, хоть брюхо тресни!
Горя нѣтъ!

Да сказали вдругъ поэту:

— Эй, не лѣзь.
Въ лавкъ хлѣба больше нѣту...
Былъ да весь!

Эхъ, куда меты дѣвались
Въ вечеръ дня?
Снова черти разодрались
У меня...

Ст. Ефремовъ.

— Мамочка! Что тутъ написано: „большевики
совмѣстно съ анархистами ведутъ Россію къ
анархіи“?

— Рано тебѣ, дѣточка, знать. Подрастешь-уви-
дишь!

— Какъ же я, мамочка, увижу, если тогда уже
и Россія не будетъ?

Возьмите глаза въ зубы.

Готовится специальный сенсационный № „Трепача“

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ.

ПОЧТОВОЕ ОТДѢЛЕНИЕ „ТРЕПАЧА“.

Возмущеннымъ. Прорва, мурло, трепло, волянку я видѣлъ у Даля, слышалъ лично въ Акатуѣ, на Волгѣ, на Воляни, здѣсь и въ Одес-

сѣ. А вотъ интеллигентныя слова: приоблеченчество, отзовизмъ, закуризмъ, воскресенчество — это только ваши чердаки могутъ придумать. Вы бы ихъ провѣтрили, идиотики, а то тамъ мыши завелись. **Н. Сухареву.** Одинъ не пей, принеси ко мнѣ въ „Мал. Газету“. **Вибетѣ** разопьемъ. Делжонъ ты меня уважать, потому какъ ни какъ я редакторъ. „Чудеса“ напечатаю. **Н. О. Тывину.** Прекрасно. Пришлите и остальные. **Петъ Агъеву.** Надо юмористическихъ. Жму вашу переднюю лапу. **Муранову.** Ничего себѣ стишата. **С. Д. и Ч.** Присылайте. **Каранту.** Темы хорошия, а исполненчества требуютъ исправленчества. Не приходите въ оскорбленчество. **Сем. Госнливому.** Идутъ. **Денатуратчину.** Съ похмѣлки писалъ? Рифмы сплошь качаются.

Издательство „Трепач“.

Редакторъ Евст. Богоявленскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ГОВОРЮ РѢЧИ

на любую тему. Незамѣнимъ на митингахъ неграмотныхъ. Призываю къ бойкоту всѣхъ газетъ, книгъ и журналовъ. Хорошіе отзывы изъ „Правды“.

Спирька Елдыринъ.

3 продеть Американскаго моста.

МИЛИЦИОНЕРЪ

предлагаетъ услуги по выносу мяса изъ гор. лавки для клиентовъ внѣ очереди. Плата—по соглашенію.

Угодъ Б.-Болотной и Дегтярнаго пер. У лавки.

СЛУ ЧАЙНО

продается корона.

Очень дешево, по соглашенію. Леницамъ скидка.

Царское Село.

ОПЫТНЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ.

Обучаютъ перегонкѣ денатурата въ чистый спиртъ. Опыты и проба бездлатно.

Трактиръ „Торжокъ“ на Б.-Болотной, д. 57.

РѢДКОСТЬ.

Монархическіе часы.

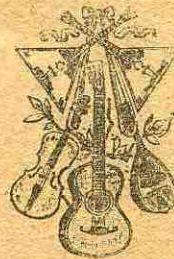
Идутъ сплошь всѣ сутки, не признавая 8 часового рабочаго дня. И если встануть, то никакъ не заведешь.

Х. Шелшелевичъ. Лодзь.

ДАЮ СОВѢТЬ

за 10 коп. марку, какъ носить кожаную обувь вдвое дольше. При темерешней дороговизнѣ совѣтъ незамѣнимъ.

Петроградъ, Гончарная, 20 кв. 41 Н. С-въ.

КАТАЛОГЪ

Новыхъ романсовъ и пѣсень.

- „Ты еще не умѣешь любить“ . . . за 15 к.
- „Любила Маруся друга своего“ за 45 к.
- „И буду тебя я ласкать“ . . . за 1р.25к.
- „Хорошъ мальчижъ уродился“ . . . за 40 к.
- „Дай, милый другъ“ . . . за 1р.15к.
- „Ахъ, зачѣмъ эта ночь такъ была хороша“ . . . за 2р.40к.
- „Я помню чудное мгновенье“ . . . за 1р.50к.
- „Ванька Таньку полюбилъ“ . . . за 8 к.
- „Зачѣмъ ты, безумная, губишь“ . . . за 10 р.
- „Поздно осенью подъ вечеръ“ . . . (оптомъ)
- „По малинку въ лѣсъ ходила“ . . . (базил.)

Съ почтеніемъ нотный магазинъ

Голь, Шмоль и К°

(Товар-во на фу-фу).

На новый путь.

— Знаешь что, Сережа. Мне надоело трепаться по кафе и номерам. Что приятно: зовут кошкой, унижают. Я
 думаю сделать предельнейшей большевичек-капорок. Говорить, вон у прачек есть такая...
 — Я и сам думаю стать большевиком. Вчера в клубе опять были шандалом... А онъ тяжелый... И кроме того у
 меня есть прошлое... оградное...